

**ДИНАМИКА ОБРАЗА УСАДЬБЫ В ПУТЕВОДИТЕЛЕ
ПО ЛИТЕРАТУРНОЙ УСАДЬБЕ-МУЗЕЮ
(НА ПРИМЕРЕ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА
Н. А. НЕКРАСОВА «КАРАБИХА», 1948–2021)¹**

*Федосеева Мария Сергеевна,
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник,
Институт мировой литературы им. А. М. Горького
(ИМЛИ РАН), г. Москва
E-mail: makanja@list.ru*

**THE DYNAMICS OF THE IMAGE
OF THE ESTATE IN THE GUIDE TO THE LITERARY
ESTATE-MUSEUM (ON THE EXAMPLE
OF THE MUSEUM-RESERVE OF N.A. NEKRASOV
"KARABIKHA", 1948–2021)**

*Fedoseeva Maria,
PhD in Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute
of World Literature of the Russian Academy of Science, Moscow
E-mail: makanja@list.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу образа музея-усадьбы в путеводителях 1948–2021 годов в диахроническом аспекте. Выявлены и проанализированы ключевые свойства советских и постсоветских путеводителей, основные тенденции трансформации их содержания и жанрово-стилистических констант в соответствии с меняющимися историко-культурными условиями.

Ключевые слова: музей, усадьба, путеводитель, Карабиха, Н. А. Некрасов, идеология.

Summary. The article is devoted to the analysis of the image of the estate museum in the guidebooks of 1948–2021 in the diachronic aspect. The key

---

© Федосеева М. С., 2023

¹ Исследование выполнено в ИМЛИ им. А. М. Горького РАН за счет средств Российского научного фонда (РНФ), проект № 22-18-00051 «Усадьба и дача в русской литературе XX–XXI веков: судьбы национального идеала».

properties of Soviet and post-Soviet guidebooks, the main trends in the transformation of their content and genre-stylistic constants in accordance with changing historical and cultural conditions are identified and analyzed.

Keywords: museum, estate, guide, Karabikha, N. A. Nekrasov, ideology.

В отечественной науке путеводитель оказался в фокусе внимания различных дисциплин с 2010-х годов. Являясь сложной структурой, он исследуется как объект когнитологии и семиотики, феномен массовой культуры, исторический источник, лингвокультурный феномен, тип текста, вид рекламы, инструмент репрезентации социокультурного пространства, средство продвижения территории и т. д. Работы И. И. Рудинской, А. В. Павловой, Л. Е. Бахваловой, М. В. Александровой, А. Ю. Давыдова, А. В. Длугач, Ю. П. Болотиной, А. В. Якимчук, В. А. Колчевской, А. А. Погонщиковой, Т. А. Яценко и Е. Л. Яценко, Н. В. Коржиковой, М. В. Ласковой, В. А. Лазарева, А. В. Протченко, Л. Н. Киселевой, З. В. Антоновой, Ю. Н. Розановой, Т. Н. Ковалевой, Т. П. Филистович и др. свидетельствуют не только о широком междисциплинарном научном охвате вопроса, но и о широкой географии исследований (Москва, Санкт-Петербург, Ярославль, Пермь, Якутск, Воронеж, Самара, Краснодар, Ростов-на-Дону, Симферополь, Тарту).

Несмотря на растущий корпус работ, тексты путеводителей *по музеям-усадьбам*, насколько нам известно, не становились предметом специальных исследований. В ситуации обилия эмпирического материала такого рода, наличия теоретических разработок исследователей в области изучения литературной усадьбы (в частности, действующего научного проекта «Усадьба и дача в русской литературе XX–XXI веков: судьбы национального идеала» под руководством О. А. Богдановой) и, с другой стороны, роста интереса к усадебному наследию, к литературе нон-фикшн в обществе этот пробел становится все заметнее. На данном этапе целесообразным видится изучение путеводителя с точки зрения динамики содержания и жанра на примере одной усадьбы. Объектами изучения стали полтора десятка путеводителей (включая дополненные переиздания) разных лет (с 1946 по 2021 г.) по музею-усадьбе Н. А. Некрасова «Карабиха».

Сопоставление ключевых дат истории музея-усадьбы и времени появления путеводителей по Карабихе показывает их прямую

зависимость. В эти периоды накапливалась достаточная содержательная и материальная база для изданий. Буферными точками становились юбилейные даты Н. А. Некрасова (1821–1877: 1971, 1977, 2021), Ярославля (950-летие в 1960 г.), вехи музейной жизни: реставрационные работы в усадьбе, открытие экспозиций, необходимость допечатки тиражей.

Целенаправленное и системное научное изучение усадьбы Карабиха началось в середине 1940-х годов и восходит к Постановлению Совета Министров СССР от 5.12.1946 о реставрации усадьбы (в которой на тот момент располагался детский дом им. Е. С. Коковина) и организации в ней мемориального музея в рамках празднования 125-летия со дня рождения поэта. В 1948 году было восстановлено центральное здание усадьбы. К этому времени относится первый специализированный путеводитель «Карабиха. Ярославская усадьба Н. А. Некрасова», выпущенный в 1948 году в Москве Государственным литературным музеем в серии «Литературные памятники и уголки СССР» тиражом 10 000 экземпляров. Его автором был А. И. Суслов (1887–1962) — один из первых специалистов, осуществивших искусствоведческое и историко-литературное изучение Карабихи. Его путеводитель имеет ряд особенностей. Прежде всего, это исследовательская направленность: путеводитель писался параллельно с кропотливым сборением материалов об усадьбе и подготовкой «Историко-литературного обоснования и основных архитектурных установок для реставрационно-восстановительных работ усадебного комплекса в Карабихе», завершеного в июне 1947 года. Отсюда большой объем архивного материала — в т. ч. и связанного с донекрасовским («голицынским») периодом, включение гипотез (в целом не характерных для жанра путеводителя), «внутри-музейного» материала (вопросов комплектования, сохранности и пр.), солидный научный аппарат. Тот факт, что музей находился в стадии становления, определил ряд особенностей путеводителя: он больше напоминает биографию Некрасова, сопровождаемую привязкой к местности; иллюстративный ряд включает, помимо видов Карабихи, значительное количество репродукций портретов людей, фигурирующих в тексте; музейно-экспозиционная составляющая отнесена в будущее. Путеводитель отличается достаточно высокой степенью персонификации, выраженная в точной датировке путеводителя октябрём 1947 года, определенной риторике,

следующей за авторской мыслью, несвободной от субъективных оценок: «Брат Некрасова, Константин Алексеевич <...> рисуется на фоне давно прошедших лет очень красочной и типичной для своего времени фигурой дворянского недоросля-неудачника. <...> был настоящим дворянским забудыгой» [7, с. 37–38]. Хотя труд Суслова не свободен от погрешностей «в обрисовке историко-литературного контекста деятельности Н. А. Некрасова после 1860-х годов, в определении дат жизни и смерти обитателей и гостей Карабихи» [19, с. 77], тем не менее и его реставрационно-музейная деятельность, и литературные работы имели влияние еще несколько десятилетий.

В собрании научной библиотеки музея сохранилось издание путеводителя Суслова с пометами и замечаниями А. Ф. Тарасова (1918–1996) — первого директора музея-заповедника «Карабиха» (с 1947 по 1984 г.), исследователя и популяризатора жизни и творчества Некрасова. Очевидно, несовершенство предыдущего путеводителя, новые наработки и свой взгляд вызвали желание и необходимость создать свой туристический продукт.

Следующим по времени стал путеводитель «Карабиха. Музей-усадьба Н. А. Некрасова (Ярославская область)», вышедший в Ярославле в 1952 году тиражом 6 000 экземпляров. Дата выхода также не случайна: в 1951 году в отреставрированном Восточном флигеле усадьбы был открыт Мемориальный отдел. Кроме того, к этому времени был осуществлен большой корпус работ: в Большом доме действовал (с 1949) Литературный отдел, восстанавливался некрасовский ландшафт. Авторами мемориальной экспозиции выступили А. Ф. Тарасов и С. И. Великанова, они же работали и над путеводителем. Данное издание, представляющее собой уже собственно путеводитель с ситуативными отсылками к экспозиции, характерными для данного жанра, стало преддверием к появлению целой большой семьи «тарасовских» путеводителей по музею-усадьбе (1959, 1961 (2-е изд.), 1964 (3-е изд.), 1967, 1972, 1974, 1980 (2-е изд.)) и окрестностям (1977). Эти путеводители дают небезынтересный материал для сопоставления, поскольку, имея много общего (единый каркас, соотносимый с экспозицией, идейную направленность, особенно ярко выразившуюся в публицистических вступлениях, не дублируют друг друга, откликаясь на разнообразные факторы: изменения в экспозиции, уточнение фактологической информации, актуальные требования к содержанию,

риторике, художественному оформлению изданий, исторический контекст и т. п. Так, в путеводителе 1961 года отразился реализуемый в этот период проект «Большой Волги», а в издании 1964 года — сведения о полете В. В. Терешковой, состоявшемся годом ранее: «не случайно первая в мире женщина-космонавт, дочь колхозного тракториста <...> при подготовке к полету взяла с собой в сурдокамеру книгу Некрасовских стихов» [10, с. 11].

В семье путеводителей следует отметить издание 1967 года на 4 языках: русском, английском, французском и немецком, выход которого был подготовлен расширением присутствия Некрасова в международном пространстве: путеводители отмечали, что его произведения переводились на иностранные языки, в Карабику приезжали зарубежные туристы, в экспозиции появился раздел о влиянии поэта на национальные литературы. В сжатом тексте на иностранных языках была отражена, главным образом, историко-бытовая сторона бытия усадьбы.

В юбилейном 1977 году вышло сразу два многотиражных (по 50 000 экз.) путеводителя по некрасовским местам Ярославской области (Грешнево — Аббакумцево — Ярославль — Карабику) — в Москве и Ярославле. В 1985 году был издан буклет «“И вот они опять, знакомые места”. Н. А. Некрасов на Ярославской земле».

Характерной чертой рассмотренных путеводителей является высокая степень научности и выверенности информации (точная фиксация разных этапов строительной и реставрационной истории) в сочетании с высоким градусом публицистичности. В целом они соответствуют выявленным и проанализированным М. В. Александровой ключевым тенденциям в развитии советского путеводителя: каноничность, популяризация научного знания, деперсонафикация автора, акцентирование идеологически востребованных доминант пространства, наличие определенных содержательных и стилистических особенностей [15, с. 150].

При анализе советских путеводителей необходимо учитывать, что после разгрома краеведческого движения в 1930-е годы написание и издание путеводителей как литературы, выполняющей, помимо познавательной, воспитательную и идеологическую функции, находилось под государственным контролем. Путеводителю отводилась заметная роль в создании и утверждении актуальной системы культурных ориентиров, локализованных в пространстве сакрализованного новой идеологией места. Был сформулирован

канон жанра путеводителя [20]. Показателем значимости персоны или локуса в советском дискурсе являлась степень их включенности в революционное движение, соответствия актуальному идеологическому курсу (в т. ч. закрепленному в корпусе авторитетных мнений, приводимых при характеристике объектов показа). Некрасов соответствовал этому критерию, требовалось сконструировать и рестиражировать и соответствующий образ некрасовских мест.

Перестройка принесла с собой новую систему идеологических доминант, проецирующуюся на интерпретацию территории. Уход от идеологии становится новой идеологией. «Как бы ни стремились авторы путеводителя создать впечатление полной беспристрастности, он всегда имеет действительную социально-политическую ориентацию» [1, с. 5]. Постсоветский путеводитель тоже не свободен от сознательных или подсознательных авторских интенций. Моделируя пространство путешествия, он при этом отражает специфику эпохи, в том числе наметившиеся в последние три десятилетия тенденции в восприятии усадьбы.

К самым существенным переменам в дискурсе путеводителей по музею-усадьбе Некрасова следует отнести смещение фокуса с личности Некрасова на усадьбу — собственно Карабаху и усадьбу как культурно-исторический феномен.

Первоначальная, «некрасовская» направленность вполне соответствовала идеологической заданности экспозиции: «перед специалистами послевоенного времени была поставлена задача осуществить процесс “прямой мемориальности”, когда “восстановленная усадьба должна была воссоздавать тот историко-биографический и бытовой фон, который бы помогал туристам-посетителям верно воспринимать образ Некрасова — поэта-гражданина, поэта-борца”» [19, с. 75]. Реставрация и создание музея открывали, по мнению авторов экспозиции и путеводителя, «возможности для дальнейшего углубленного изучения богатейшего литературного наследия великого русского поэта, его связей с Ярославским краем, для популяризации его творчества среди широких масс трудящихся» [5, с. 6]. В итоге туристы ехали в Карабаху именно «к Некрасову», смотрели на усадьбу его глазами.

Неверно было бы сказать, что усадьбе в путеводителе не уделялось достаточно места. Однако в советском дискурсе образ усадьбы представал специфическим, несвободным от навязанных ему функций. С одной стороны, русская усадьба — это

«невежественная, дикая, жестокая среда помещиков-крепостников» [там же, с. 19], построенный «всецело на даровом крестьянском труде» [7, с. 14] мир угнетения и произвола. За демонстрацию этой ипостаси усадьбы в путеводителях по некрасовским местам Ярославского края «отвечало» Грешнево (а также отдельные разделы литературной экспозиции Карабихи). Другую, положительную, ипостась представляла собой Карабиха, «апологизированная» своим «декабристским» прошлым, необремененностью крестьянскими процессами, неразрывной связью с Некрасовым, его гостями, входящими в определенный советским литературоведением «пантеон»: А. Н. Островским, М. Е. Салтыковым-Щедриним, Д. В. Григоровичем, А. Н. Плещеевым и др.

Однако негативный «шлейф» все равно присутствовал. В связи с этим путеводители (в первую очередь 1940–1960-х гг.) педалировали «народность» Некрасова. В рамках усадебной жизни народность проявлялась в скромности быта, составе библиотеки, включающей «различные сборники и книги по фольклору, географии и этнографии России» [8, с. 98], общении с народом и покровительстве ему. Советские путеводители подчеркивают дистанцирование Некрасова от крепостнического строя: «Купив Карабиху, Некрасов не сделался помещиком, так как для него она никогда не была имением с хозяйственными статьями, дающими доход. Наоборот, первое время Некрасов должен был вкладывать деньги для приведения в порядок запущенного имения. <...> По существу, Карабиха была для Некрасова только любимой дачей в родных местах» [7, с. 26–27], которая позволяла «отдаваться <...> творчеству безраздельно» [там же, с. 25]. Даже стиль охоты (в одиночку или с егерем), подчеркивали путеводители, отличал его от помещиков старого времени. «Народность» в путеводителе Тарасова 1974 года проявлена нешаблонно: «на остатках пня некрасовского кедра произвольно выросла русская березка» [13, с. 34].

Все путеводители советского времени отмечают огромную — хотя и двойственную — роль усадеб в жизни и творчестве Некрасова. С одной стороны, детские годы, проведенные близ Ярославля, в грешневской усадьбе отца, среди резких контрастов крепостной деревни — под звуки охотничьих рогов, стоны крепостных, заунывные песни бурлаков, звон кандалов на большой дороге, — оставили глубокий след в сознании будущего поэта Гнева и Печали» [там же, с. 18]. С другой стороны, «не меньшую роль

для формирования его сыграла зародившаяся здесь же любовь к природе, просторам Волги, дружба с “людьми рабочего звания”, деревенскими ребятишками» [там же]. Позже местом встречи Некрасова с природой (весьма живописной), с народом, дававшей «нескончаемые материалы» [7, с. 75] и условия для творчества — «приволье, покой и уединение» [там же, с. 62] — стала Карабиха. Здесь рождались шедевры некрасовской лирики, в том числе имевшие революционное значение...

Путеводители симпатизировали динамике жизненного уклада Некрасова: в Карабихе он не воссоздает усадебный габитус [17, с. 92–93] детства, а противопоставляет ему свою жизнь. Кроме того, они пытались сгладить очевидную двойственность и провести водораздел между двумя ипостасями усадьбы: «отвращение <...> Некрасов питал не к сельцу Грешневу на Костромском тракте, не к старому саду, не к дому, а ненавидел он тот крепостной помещичий быт с его диким произволом, выражением которого был при отце весь жизненный уклад грешневской усадьбы» [7, с. 13].

В постсоветских путеводителях усадьба очевидно апологизируется. Акценты смещаются на диаметрально противоположные: эталон простоты быта уступает место «чудесным картинам балов и званых обедов, шумевших здесь при ярославском гражданском губернаторе Михаиле Николаевиче Голицыне» [2, с. 33]; связь Карабихи с князьями Голицыными — «одним из самых древних, знаменитых и многочисленных российских дворянских родов» [там же, с. 78] — превращается в достоинство, а время создания усадьбы — середина XVIII века, эпоха просвещения — позиционируется не как эпоха крепостничества и деспотизма, а как «время расцвета культуры, искусства, образования, время, когда сформировались основные принципы уникальной русской усадебной культуры» [там же]. Если в путеводителях советского времени во избежание недоразумений подчеркивалось, что висящий в столовой портрет Екатерины II перешел Некрасову от Голицыных вместе с усадьбой, то в современных текстах этот портрет уже называется «украшением столовой» [там же, с. 40].

Усадебные театральные постановки, домашний оркестр, «дома с оранжереями, с китайскими беседками и с английскими парками», празднества (приводимые слова помещика из поэмы «Кому на Руси жить хорошо» [4, с. 27]) интерпретируются в положительном ключе.

Постсоветские путеводители ставят своей миссией показать многовековую историю села Карабихи, «ранее неизвестные, а порой и незаслуженно забытые страницы истории усадьбы» [2, с. 78], другую, не «некрасовскую» историю. Об этом свидетельствуют, в том числе, количественные параметры — объем данного материала в изданиях. Очень характерен в этом смысле зафиксированный путеводителями сюжет с перестановкой памятника Некрасову работы ленинградского скульптора Л. Ю. Эйдлина, установленного в 1960 году, в канолах советского времени, в цветнике перед главным домом и демонтированного в 2000 году «с целью восстановления исторического облика парадного двора» (пролежав в запасниках около десяти лет, он был установлен на новом месте — на площадке перед Восточным флигелем, где жил поэт [4, с. 14].

Новая философия восприятия усадьбы приведена в аннотации путеводителя 2021 года (свежего издания, вобравшего лучшие черты путеводителя нового типа), анонсирующей информацию об «истории этого заповедного места, жизни и творчестве известного русского поэта Николая Некрасова, быте и атмосфере дворянской усадьбы <...> важных экспонатах и ярких событиях в жизни музея» [2, с. 2]. Постсоветский путеводитель, не отрицая роли Карабихи как творческой лаборатории Некрасова, «места, где он черпал силы и вдохновение» [там же, с. 12], обращается к усадьбе как самоценному феномену, призывает увидеть единственный в Ярославской области сохранный ансамбль усадьбы дворцового типа середины XVIII века, на себе прочувствовать «живописные ландшафты, богатое культурное наследие и особую атмосферу гармонии и уединения» [там же, с. 3].

Знаком времени становится акцентирование роли семейственности в усадебном быте (семейные отношения подспудно проецируются также на современного посетителя, проводящего здесь семейный досуг). В этой связи, например, пересматривается образ младшего брата поэта, Ф. А. Некрасова, фактического хозяина Карабихи. Если в путеводителях советского времени он характеризуется как «типичный деятель капиталистической России» [8, с. 31], «типичный предприниматель пореформенной России» [11, с. 6], «хозяйственный» [13, с. 12] делец, активность которого нарушает «некрасовский» ландшафт, то теперь он предстает человеком, трудами которого создавалась необходимая Николаю Алексеевичу спокойная творческая атмосфера, а после

ухода поэта Карабиха сохранялась и благоустраивалась, превратившись в «образцовую» усадьбу.

Семья Ф. А. Некрасова становится полноправным участником истории Карабихи и важным сюжетом путеводителей.

При новом подходе «имена князей Голицыных и дворян Некрасовых» [2, с. 3], поэзия и усадебная культура оказываются уравнены в своей ценности.

Характерным для современного путеводителя является поворот к личным историям, судьбам людей, связанных с усадьбой. Участие сыновей М. Н. Голицына в декабрьском восстании рассматривается не как подвиг, а как семейная трагедия [3, с. 211–212]. Персонажи повествования теряют свою «функцию» — декабриста либо «страстного борца и патриота, истинного друга народа, великого художника слова, выразителя идей зарождающейся революционной демократии» [5, с. 24] — и становятся людьми со своими интересными и драматичными судьбами, достоинствами и слабостями. Собственно, и сам Н. А. Некрасов раскрывается новыми гранями (к сожалению, не без перегибов в сторону «развенчания» образа: характерен подзаголовок «Н. А. Некрасов — человек-легенда» [4, с. 24], где «легенда» понимается не как легендарность, а как мифотворчество). В этой связи отметим значительный рост роли легенд и преданий при построении текста повествования. Обращение поэта в Карабихе к теме декабристов, объясняемое в советском дискурсе «идеей преемственности революционных поколений» [12, с. 51], в постсоветских путеводителях скорее склонны объяснять метафизическими свойствами усадьбы.

Аналогично наблюдается и очевидный и устойчивый поворот к быту и культуре повседневности. В экспозиции это проявляется заменой литературной экспозиции на историко-бытовую. Путеводители сообщают большое количество попутных, но интересных сведений об усадебной культуре в целом. При описании экспозиции внимание фокусируется на конкретных предметах, каждый из которых имеет «свою историю, свой характер» [2, с. 28], — столе, корзине для бумаг с грифонами, держащих картуши с монограммой Некрасова, мягкой мебели ярославского производства с вырезанными мордочками собак и т. д. Характерна динамика описания охотничьего оружия: если в путеводителях советского времени основной ценностью ружей является их мемориальность и факт дарения крестьянам, то в постсоветском тексте

они также интересны per se, как предметы охотничьего промысла и оружейного искусства.

Постепенное снятие жесткого цензурного контроля освободило путь интересной табуированной ранее информации. Стали возможны (и наблюдаются с конца 1970-х годов) упоминания разного рода связей Некрасова с церковью, снятие купюр при цитировании, например, публикация не приводившегося в более ранних изданиях четверостишия стихотворения «Дедушка», важного в контексте нашего исследования как содержащего описание классического русского ландшафта: «Рад я, что вижу картину / Милую с детства глазам. / Глянь-ка на эту равнину — / И полюби ее сам! / Две-три усадьбы дворянских, / Двадцать Господних церквей, / Сто деревенок крестьянских / Как на ладони на ней» [там же, с. 23]. Стало возможным раскрыть общественно-полезную и благотворительную деятельность не только Некрасовых, но и Голицыных; обрисовать утраты советского времени — в частности, гибель аутентичной библиотеки после революции. В текст путеводителя вводятся не упоминаемые ранее факты: например, изготовление стола Некрасова «в известной мастерской Николая Штанге, поставщика Высочайшего Двора» [там же, с. 26], или принадлежность ружья Некрасова М. В. Андреевскому (1844–1903) — «известному ловчему великих князей Романовых» [там же, с. 28]. Появляется ряд подробностей быта Некрасова, потенциально интересных читателю, но трудно представимых в советском путеводителе с его ориентацией на образ «народного» Некрасова: кабинет, по воспоминаниям М. Вилькен, «был обставлен богато и с изысканным вкусом; стояло много старинной бронзы» [там же, с. 25]; ружье было украшено «инкрустированными золотом двумя буквами “NN”» [там же, с. 28]; на отопление и уход за оранжереей и фруктовым садом Некрасов ежегодно выделял существенную сумму — 500 рублей [там же, с. 54].

Оборотной стороной снятия цензурных ограничений стало появление изданий, неподконтрольных музею-заповеднику и содержащих недостоверную или откровенно ошибочную информацию (например, путеводитель 2012 года из серии «Дворцы и усадьбы» (вып. 54), включенный в поле нашего исследования как большетиражный (100 000 экз.) и представительный) [4].

«Путеводитель — симбиоз справочника и научно-популярного издания, что не исключает, а предполагает стремление его творцов

облечь научное содержание в художественную форму» [1, с. 6]. Авторы путеводителей разных лет при создании аттрактивного образа усадьбы неизменно приходили к необходимости художественного описания, диктуемого самим материалом. Характерно описание Нижнего парка в разных путеводителях: «любимым местом прогулок был большой овраг на краю английского парка, густо заросший по склонам высокими тенистыми деревьями. Здесь били ключи. Неумолчно слышалось их журчанье и шум от падающей струи каскада» [7, с. 73–74]; «густая растительность и обилие птиц, голоса которых сливались с журчанием ручейка, протекавшего по дну оврага, напоминали собою естественный лес, с которым поэта сдружила охота» [11, с. 8]; «здесь, на краю оврага, по дну которого пел бесконечную песню ручей, берущий начало у водопада Гремиха, одинокую фигуру его часто видели по утрам и вечерам» [13, с. 8]. Поэтизация усадебного уклада в путеводителях последнего времени только возрастает: «Парадная гостиная Большого дома даже в пасмурные дни наполнена светом. Он отражается и переливается в великолепном зеркале-трельяже в золоченой раме, играет бликами на портретах представителей рода Голицыных, бережно касается клавиш усадебного рояля» [2, с. 30].

Для того чтобы смоделировать погружение в атмосферу усадьбы, в определенную эпоху данного пространства, используются самые разнообразные инструменты и практики. Это может быть отбор фактов (например, цитирование воспоминаний и сопоставление их с современностью), включение лирических отступлений, употребление экспрессивно или эмоционально окрашенной лексики и синтактики, суперлативов, выстраивание осмотра объекта в тексте как общей коммеморативной практики («чувство подлинности обстановки не покидает нас» [6, с. 29], «кажется, хозяин покинул помещение пару минут назад» [4, с. 16], «просто представим...», «понимаешь» и т. п.). Широко представленные в путеводителях периода становления усадьбы как музея научное обоснование воссоздаваемого образа усадьбы, скрупулезное перечисление сохранившегося и утраченного удивительным образом не разрушают, а создают иллюзию сохраненного мемориального пространства. В середине 1960-х годов (период «оттепели») появляется и все большее значение приобретает отсылка к чувственному опыту экскурсанта: «Широкая лестница на второй этаж, мягкая ковровая дорожка (так было у поэта). Чуть скрипнула ступенька

под ногою — и вы в столовой. <...> Гостиная. <...> Здесь отдыхал поэт. <...> Тихо в комнате. Сквозь раскрытую балконную дверь доносятся из парка голоса птиц» [11, с. 7]. Путеводители предлагают послушать «старинные французские часы с мелодичным боем», которые «отсчитывали время в Карабихе еще при жизни Николая Алексеевича» [12, с. 76], ощутить прохладу и тишину комнат, почувствовать «чудесный аромат» цветения плодовых деревьев по весне [2, с. 5], сравнить свои впечатления с поэтическими строками Некрасова и т. п.

Характерная современная тенденция размывания границ, сближения между человеком и выдающейся личностью, ее «очеловечивания» проявляется в путеводителях: «Первый, кто встречает посетителей в главном здании усадьбы, это, конечно, сам Н. А. Некрасов, вернее, его ростовая скульптура» [4, с. 14]. Внелингвистической параллелью этого явления может служить, собственно, появление такого рода ростовых фигур и скульптурных композиций вместо памятников на пьедестале (А. П. Чехову в Томске, К. Г. Паустовскому в Тарусе, С. С. Прокофьеву в Москве и мн. др.). В этом же смысловом поле находятся отражаемые в путеводителях тенденции к интерактивности, театрализации: в ответ на спрос появляются и рекламируются в изданиях «специальные музейные программы — например, театрализованный прием “Легенды старого дома” включает в себе уникальную возможность попить чай под звуки старинных романсов в гостиной дворянской усадьбы» [там же, с. 30]. Сохранение традиций, поддержание усадебной атмосферы становится ценностью, востребованной в период смены характера досуговых практик, в отличие от советской риторики: «Кроме старинной церкви между селом и усадьбой, прошедшие века ничем не напоминают о себе в ликующем пейзаже Карабихи» [7, с. 17].

В этой связи отметим, что рост полиграфических возможностей, читательских ожиданий, потребность продвигать туристический продукт диктуют необходимость совершенствования художественного оформления изданий. Эта тенденция намечается еще в путеводителях 1964, 1977 годов с большим количеством цветных иллюстраций, однако кульминации достигает в современных путеводителях. В них гармонично сосуществуют фоторепродукции архивные и современные, с дальним и ближним планами, разными сезонами и пр. Помимо креолизации текста, восприятие облегчает

визуальное разделение ядерного и периферийного компонентов текста: вынесение из линейного текста путеводителя цитат в отдельные мини-тексты, включение дополнительных интересных сведений, выделенных графически, использование разнообразных паралингвистических средств сообщения, продуманная корреляция вербальной и невербальной информации, удобный формат и т. п. Все эти инструменты, работающие с учетом психологии восприятия и современных требований дизайна, также способствуют формированию высокой положительной оценки туристического продукта.

Результаты изучения путеводителя как текста и элемента культуры показывают, что путеводитель управляет не только перемещением по местности, но и ее восприятием. Можно говорить о персуазивной стратегии в дискурсе путеводителя [18], воздействии на ментальную сферу реципиента, который в данном случае «добровольно позволяет вторгаться в свое сознание и моделировать воспринимаемую реальность» [16, с. 307]; при том, что «адресат текста путеводителя потенциально выступает его соавтором» [там же], уместно говорить о стратегии доминирования адресанта путеводителя вне зависимости от степени его персонификации в путеводителе. Авторское начало может быть выражено в выборе сюжетов показа, их структурировании, стилистическом оформлении и пр. Речь здесь не идет об агрессивном воздействии или манипуляции (хотя в советской риторике это наблюдается нередко: «Как близки строителям коммунизма <...> стихи поэта!» [10, с. 3]). Такого рода доминирование — конституциональная черта жанра, позволяющая адресату получить более полное представление об объекте / территории через актуализацию определенных сюжетных доминант: путеводитель подсказывает интересные точки для обзора (например обзор Карабихи и Грешнева издали ([4, с. 12], [14, с. 5]), фокусирует внимание на значимых объектах («не забудьте поклониться праху» [Ф. А. Некрасова] [4, с. 13]), приводит полезные цитаты из стихов или воспоминаний («Справа от школы — сад со старыми липами, некоторые из них, по семейному преданию, посадила мать поэта. Не о них ли вспоминал Некрасов? “Луна взошла и сад осеребрила, / Под сводом лип недвижно я стоял, / Которых сень родная так любила”» [6, с. 6] и т. п.

Перспективным видится применение детальной схемы анализа жанрового паспорта путеводителя в диахроническом аспекте, предложенный Л. Е. Бахваловой [16], к путеводителю

по музею-усадьбе — с учетом различий между путеводителем по городу и путеводителем по музейной экспозиции. Последний может предполагать относительную свободу в последовательности и характере подачи материала, однако авторская свобода оказывается связана рамками музейной экспозиции, которой путеводитель призван следовать. Другое дело, что авторами путеводителя по музею, как правило, становятся его сотрудники (в т. ч. авторы музейной экспозиции), имеющие практический опыт ведения экскурсий и общения с экскурсантами, доступ к музейному собранию. С этим связана еще одна особенность, выделившаяся в постсоветском инварианте: если маршрутный путеводитель по городу предстает сейчас как полифункциональный инструмент «общения» с регионом (изучения, отдыха, налаживания деловых отношений и т. п.), то одной из основных функций путеводителя по музею, помимо познавательной, становится рекламирование музейного продукта [16, с. 311].

Кроме того, изучение путеводителей 1948–2021 годов демонстрирует необходимость уточнения понятия «современный путеводитель» в отечественной науке, к которому Бахвалова относит как советские, так и постсоветские издания (в отличие от дореволюционных). Это тем более необходимо, что сдвиги в жанровой модели она справедливо связывает с переменами в экономической, политической, социальной и культурной сферах на определенной территории.

Помимо анализа динамики жанра путеводителя по музеям-усадьбам, мы видим перспективы исследования в рассмотрении путеводителей по другим литературным музеям-усадьбам и их сопоставление в целях выявления инварианта данного типа путеводителя.

Подведем итоги. Изучение путеводителей вообще и по музею-усадьбе в частности на данный момент представляет значительный интерес. Значимой функцией путеводителя со временем оказывается фиксация музейной жизни («музейной кухни») — вех реставрации, комплектования фондов, изменений в экспозиционном пространстве, посещаемости и т. п.: «утратив утилитарное значение, он приобретает другое, не менее важное — становится документом эпохи, важным историческим источником» [1, с. 7]. Поскольку тексты путеводителей были призваны давать достаточно широким массам ориентиры не только в экспозиционном пространстве,

но и в мировоззренческом, сегодня они становятся источником и для изучения особенностей пространственного и временного (само)восприятия территории, специфики эпохи.

Переломным моментом выступает в данном исследовании перестройка. На примере музея-усадьбы Н. А. Некрасова мы видим, что она повлияла на посещаемость музея-усадьбы, тиражи путеводителей, их характеристики.

В постсоветский период путеводитель как феномен переживает смену парадигм. Поскольку пространство путешествия остается в целом тем же, а структура путеводителя представляется достаточно консервативной (связанной, в том числе, и структурой экспозиции), то изменения наблюдаются в пространстве смыслов — в отборе фактов и/или их интерпретации, в стратегии репрезентации территории и др.

В постсоветском инварианте путеводителя наблюдаются такие черты, как смягчение риторики, детабуизация (иногда на грани нарушения этических норм), изменение ценностной иерархии объектов показа. Ценности, характерные для советских путеводителей, не обязательно утрачиваются, но подаются в текстах путеводителей как вторичные. В случае с Карабихой эти изменения касаются деидеологизации образа Некрасова и других значимых персонажей повествования (Голицыных), апологизации усадьбы и поэтизации ее образа, проявляются в фокусировке на личной истории, интересе к культуре повседневности. Наряду с содержательной стороной, трансформации в соответствии с меняющимися историко-культурными условиями подвергаются и жанрово-стилистические константы путеводителя [16, с. 304].

Список источников и литературы

Источники

1. *Александров, Ю. Н.* Москва: диалог путеводителей / Ю. Н. Александров. — 2-е, перераб. и доп. изд. — Москва: Моск. рабочий, 1986. — 494 с.
2. «Да, только здесь могу я быть поэтом!»: Карабиха: история и современность / сост. Е. В. Маркина; отв. за выпуск М. А. Михайлова. — Ярославль: ООО «Академия 76», 2021. — 88 с.
3. *Данилова, М. Д.* Карабиха / М. Д. Данилова // Знаменитые музеи-усадьбы России. — Москва: АСТ-ПРЕСС, 2010. — С. 197–219.

4. Карабиха // Дворцы и усадьбы. — 2012. — № 54. — 31 с.
5. Карабиха. Музей-усадьба Н. А. Некрасова (Ярославская область). Путеводитель по музею / сост. С. И. Великанова; Яросл. мемориальный музей Н. А. Некрасова. — Ярославль: Ярославское областное государственное издательство, 1952. — 47 с.
6. По некрасовским местам Ярославской области / автор-сост. Р. А. Лобовская; фото Э. Туницкого. — Москва: Советская Россия, 1977. — 36 с.
7. *Суслов, А. И.* Карабиха. Ярославская усадьба Н. А. Некрасова: путеводитель / А. И. Суслова; под общ. ред. Вл. Бонч-Бруевича. — Москва: ГЛМ, 1948. — 94 с.
8. *Тарасов, А. Ф.* Карабиха. Музей-усадьба Н. А. Некрасова в с. Карабиха: путеводитель / А. Ф. Тарасов. — Ярославль: Ярославское книжное издательство, 1959. — 109 с.
9. *Тарасов, А. Ф.* Карабиха. Музей-усадьба Н. А. Некрасова в с. Карабиха: путеводитель / А. Ф. Тарасов. — 2-е, доп. изд. — Ярославль: Ярославское книжное издательство, 1961. — 120 с.
10. *Тарасов, А. Ф.* Карабиха. Музей-усадьба Н. А. Некрасова в с. Карабиха: путеводитель / А. Ф. Тарасов. — 3-е изд. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1964. — 104 с.
11. *Тарасов, А. Ф.* Музей-усадьба Н. А. Некрасова в Карабихе: путеводитель / А. Ф. Тарасов. — Москва: Советская Россия, 1967. — 14 с.
12. *Тарасов, А. Ф.* Карабиха. Музей-усадьба Н. А. Некрасова: путеводитель / А. Ф. Тарасов. — Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1972. — 79 с.
13. *Тарасов, А. Ф.* Карабиха. Музей-усадьба Н. А. Некрасова (Ярославская обл.): путеводитель / А. Ф. Тарасов. — Москва: Советская Россия, 1974. — 35 с.
14. *Тарасов, А. Ф.* Некрасовские места / А. Ф. Тарасов. — Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1977. — 45 с.

Литература

15. *Александрова, М. В.* Генезис советского травелога: путеводители по Волге начала XX века / М. В. Александрова // Филология и культура. — 2021. — № 4 (66). — С. 150–156.
16. *Бахвалова, Л. Е.* Эволюция жанровой модели путеводителя (на примере печатных путеводителей по Ярославлю и Ярославской области) / Л. Е. Бахвалова // Культура. Литература. Язык: Материалы междунар. конф. «Чтения Ушинского» факультета русской филологии и культуры / Ярославский государственный педагогический университет имени К. Д. Ушинского; под ред. М. Ю. Егорова. — Ярославль, 2013. — С. 303–312.

17. *Богданова, О. А.* Русская литературная усадьба XIX–XX вв.: теоретический аспект исследований / О. А. Богданова // *Mundo Slavico*. — 2020. — № 19. — С. 89–102.
18. *Коржикова, Н. В.* Лингвистические особенности персуазивной стратегии дискурса путеводителя (на материале анализа путеводителей по Якутии) / Н. В. Коржикова // *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова*. — 2018. — № 2 (64). — С. 109–119.
19. *Оторочкина, А. Е.* А. И. Суслов (1887–1962) как исследователь усадьбы Н. А. Некрасова Карабиха / А. Е. Оторочкина // *Карабихские научные чтения. Эпоха Н. А. Некрасова и Н. А. Некрасов в эпохах: XIX–XX–XXI вв. «Вечное», «забытое», «устаревшее» и «современное» в наследии поэта и культуре его времени: матер. науч.-практ. конф., Ярославль, 4–5 июля 2019 года*. — Ярославль: ООО «Академия 76», 2019. — С. 72–79.
20. *Ханбекова, Н. И.* Формирование канона советского маршрутного путеводителя по городу (на примере путеводителей по Казани Е. Г. Бушканца) / Н. И. Ханбекова // *Аспирантские чтения — 2020: сб. матер. науч.-практ. конф.* — Казань, 2020. — С. 103–110.
21. *Якимчук, А. В.* Сравнительный анализ текстов отечественных и зарубежных путеводителей / А. В. Якимчук // *Актуальные вопросы и перспективы развития науки и образования*. — Минск: Научно-издательский центр «Мир науки», 2016. — С. 86–92.